

ПОСТАНОВЛЕНИЯ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА,
использованные в постановлениях и обзорах
Верховного Суда Российской Федерации
(2010–2015 гг.)

Под общей редакцией В.С. Ламбиной

КонсультантПлюс
надежная правовая поддержка

**Постановления Европейского
Суда по правам человека,
использованные в
постановлениях и обзорах
Верховного Суда Российской
Федерации (2010–2015 гг.)**

«Статут»

2016

УДК 341.17
ББК 67.910.822

Постановления Европейского Суда по правам человека,
использованные в постановлениях и обзорах Верховного Суда
Российской Федерации (2010–2015 гг.) / «Статут», 2016

ISBN 978-5-8354-1284-6

Настоящее издание посвящено вопросам развития судебной практики Европейского Суда по правам человека с 2010 по 2015 г. Приводятся постановления Европейского Суда, дифференцированные по различным сферам правовых отношений. Предмет исследования целиком посвящен позициям Европейского Суда по основным и самым актуальным на сегодняшний день вопросам применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Учтена практика Верховного Суда Российской Федерации о применении Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Фактически это сборник правовых позиций, которые отражают подход судебной практики по тому или иному вопросу уголовно-, гражданско- и административно-правовых отношений. Данное учебно-практическое пособие может представлять интерес для практикующих юристов, а также для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов. При подготовке настоящей работы использовались справочные правовые системы «КонсультантПлюс» и «Гарант».

УДК 341.17
ББК 67.910.822

ISBN 978-5-8354-1284-6

, 2016

© Статут, 2016

Содержание

Введение	6
I. Практика Европейского суда в сфере уголовно-правовых отношений	8
Статья 3 конвенции	8
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Постановления Европейского Суда по правам человека, использованные в постановлениях и обзорах Верховного Суда Российской Федерации (2010–2015 гг.) Учебно-практическое пособие

Введение

В данной работе была проанализирована практика применения Европейским Судом по правам человека (далее – Европейский Суд) Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) в сфере уголовно-правовых, гражданско-правовых и административно-правовых отношений, а также в сфере рассмотрения дел об административных правонарушениях, используемая в постановлениях и обзорах Верховного Суда Российской Федерации за последние пять лет.

Изучение материалов судебной практики позволяет сделать вывод о том, что основными мотивами жалоб, поступающих в Европейский Суд, по-прежнему являются:

- неисполнение судебных решений национальных судов по социальным проблемам;
- неисполнение с последующей отменой в надзоре вступивших в законную силу судебных решений;
- злоупотребление арестом и заключением под стражу как мерой пресечения по шаблонным формулировкам процессуальных решений;
- условия содержания в СИЗО (переполненность, неадекватная медицинская помощь);
- неэффективность следственных действий по насильственным и должностным преступлениям.

Первый и, безусловно, самый чувствительный раздел – это постановления, касающиеся нарушений Конвенции в сфере уголовно-правовых отношений.

К сожалению, нарушения по-прежнему касаются ст. 3 Конвенции, согласно которой установлен запрет пыток, унижающего достоинство жестокого обращения и наказания.

Большое количество нарушений, допускаемых в отношении п. 3 ст. 5 Конвенции, обусловлено зачастую слабой аргументацией российских судов, устанавливающих в отношении заявителя меру процессуального принуждения в виде задержания. Норма данного пункта устанавливает право каждого задержанного или заключенного под стражу лица быть доставленным к судье или иному должностному лицу, наделенному судебной властью, а также право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.

Вторая группа – это практика Европейского Суда в сфере гражданско-правовых отношений.

В этой группе дел лидером является ст. 6 Конвенции и вопросы неисполнения судебных решений национальных судов в разумный срок, несправедливость судебного разбирательства по гражданскому делу и нарушение принципа гласности судопроизводства, нарушение принципа правовой определенности в результате отмены вступившего в законную силу решения суда в надзоре, нарушения в связи с непредоставлением заявителю возможности лично участ-

зовать в судебном разбирательстве при рассмотрении гражданского дела, ненадлежащее извещение о времени и месте рассмотрения кассационной жалобы и др.

Третья группа – это практика Европейского Суда в сфере административно-правовых отношений, а также в сфере рассмотрения дел об административных правонарушениях.

В этой группе дел по-прежнему большую часть занимают нарушения при административном выдворении, а также дела в связи с ограничением права заявителей на свободу выражения мнения и свободу собраний и объединений.

При исполнении постановлений Европейского Суда необходимо руководствоваться положениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

С принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» были даны важные разъяснения по ряду вопросов, связанных с применением Конвенции. В соответствии с п. 3 данного Постановления правовые позиции Европейского Суда учитываются при применении законодательства Российской Федерации. Кроме того, в случаях, когда российским законодательством предусмотрен более высокий уровень защиты прав и свобод человека, чем в положениях Конвенции, в первую очередь применяются положения, содержащиеся в национальном законодательстве.

14 июля 2015 г. Конституционный Суд Российской Федерации принял Постановление № 21-П по делу о применимости решений Европейского Суда на территории России. В соответствии с указанным Постановлением в случае, когда постановление Европейского Суда, вынесенное против России, основано на таком толковании положений Конвенции, которое входит в противоречие с Конституцией Российской Федерации, такое постановление Европейского Суда не может быть исполнено в России. Следовательно, Конституционный Суд РФ признал верховенство Конституции Российской Федерации при исполнении решений Европейского Суда. Конституционный Суд РФ отметил возможность федерального законодателя разработать специальный механизм разрешения вопроса о возможности или невозможности исполнения постановлений Европейского Суда по жалобам против России с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации.

При подготовке настоящего издания составители-переводчики обращались к переводам постановлений Европейского Суда, размещенным в открытом доступе на сайте Министерства юстиции Российской Федерации (<http://minjust.ru>), а в необходимых случаях осуществляли перевод постановлений самостоятельно, обращаясь к базе Европейского Суда (<http://hudoc.echr.coe.int/eng>). В тех случаях, когда в работе используется перевод, размещенный на сайте Министерства юстиции РФ, используется такой значок – *.

I. Практика Европейского суда в сфере уголовно-правовых отношений

Статья 3 конвенции

В постановлении Европейского Суда от 5 июня 2014 г. по делу «Терещенко против России»* (*Tereshchenko v. Russia*) (жалоба № 33761/05) отклонены жалобы заявителя на предполагаемое нарушение ст. 8 и 34 Конвенции в связи с якобы имевшими место препятствиями в реализации его права на подачу жалобы в Европейский Суд и ст. 6 Конвенции в связи с отказом районного суда в рассмотрении ходатайства заявителя об условно-досрочном освобождении и невозможностью обжаловать указанный отказ.

Вместе с тем установлено нарушение ст. 3 и 13 Конвенции в связи с необеспечением А.Н. Терещенко надлежащих условий содержания в следственных изоляторах и отсутствием у заявителя эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений, а также ст. 8 Конвенции в связи с невозможностью посещения заявителя его матерью во время содержания в следственном изоляторе.

Обстоятельства дела. Заявитель был задержан по подозрению в причинении телесных повреждений и в незаконном обороте наркотиков. Дело в отношении заявителя по обвинениям в незаконном обороте наркотиков было прекращено в связи с тем, что прокурор снял обвинения. Районный суд признал заявителя виновным в причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, и приговорил его к восьми годам лишения свободы. Через два года районный суд отклонил ходатайство заявителя о досрочном освобождении из колонии. Заявитель также жаловался на условия содержания под стражей и на ограничение посещений его родственниками.

Позиция Европейского Суда. В отношении условий содержания под стражей Суд отметил, что «временами количество заключенных в камере превышало фактическое количество кроватей в камере, так что заключенным приходилось спать по очереди. Суд считает, что это могло служить источником напряженности между заключенными и вызывать у них дополнительное нервно-психическое напряжение и чувство неудовлетворенности... следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя под стражей с 2003 по 2005 год» (п. 83–85 Постановления).

В части отсутствия у заявителя эффективного средства правовой защиты от указанного нарушения Европейский Суд подчеркнул, что «правовая система России [не] обеспечивает эффективное средство правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемого нарушения или его продолжения и которое предоставляет заявителю адекватное и достаточное возмещение в связи с жалобой на несоответствующие условия содержания под стражей» (п. 89 Постановления).

В отношении отсутствия возможности для свиданий заявителя с матерью во время его нахождения в изоляторе временного содержания Суд отметил, что «внутригосударственные органы не рассмотрели надлежащим образом вопрос посещений, тем самым не приняв меры для обеспечения уважения частной жизни заявителя... не было предложено... что оспариваемая ситуация была бы соответствующим образом смягчена в случае доступности заявителю, к примеру, других способов коммуникации, таких как телефон... такие ограничения, как определение количества свиданий с семьей, надзор за такими свиданиями и, если это оправдано характером преступления, установление особого режима содержания под стражей или специ-

альные меры по организации свиданий, представляют собой вмешательство в права, гарантированные статьей 8 Конвенции» (п. 136, 120 Постановления).

Применительно к предполагаемому нарушению ст. 6 Конвенции Европейский Суд согласился с доводами российских властей о том, что данная жалоба несовместима с положениями Конвенции, поскольку условно-досрочное освобождение является привилегией, а не правом, защищаемым Конвенцией (п. 107 Постановления).

Суд также отметил, что «формулировка статьи 79 Уголовного кодекса должна быть проанализирована с учетом разъяснений Верховного Суда, данных в 2009 году, в соответствии с которыми предоставление мер в отношении замены или прекращения меры пресечения в виде заключения под стражу не должно быть автоматическим и должно быть отдано на усмотрение судьи, рассматривающего соответствующее дело» (п. 107 Постановления).

(Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 июня 2015 г.).

В постановлении от 27 февраля 2014 г. по делу «Коровины против России» (*Koroviny v. Russia*) (жалоба № 31974/11) Европейским Судом установлено нарушение российскими властями положений ст. 3 Конвенции в связи с необеспечением надлежащих условий содержания И.В. Коровина (далее – первый заявитель) в психиатрической больнице и жестоким обращением с заявителем, ст. 8 Конвенции в связи с цензурой администрацией больницы переписки И.В. Коровина с Т.Ю. Коровиной (далее – второй заявитель), а также п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с отказом районным судом в удовлетворении исковых требований заявителей к психиатрической больнице о компенсации морального вреда ввиду названных нарушений без надлежащего исследования и оценки доказательств.

Обстоятельства дела. 9 июня 2009 г. первый заявитель был задержан в связи с преступлением, связанным с наркотиками, и 10 июня 2009 г. был заключен под стражу. Судебная психиатрическая экспертиза установила, что первый заявитель страдал шизофренией, требующей обязательного психиатрического лечения. Районные суды продлевали содержание заявителя под стражей вплоть до 15 декабря 2009 г., когда районный суд освободил первого заявителя от уголовной ответственности, признав его невменяемым в силу психического расстройства, и принял решение о его помещении в психиатрический стационар общего типа.

19 января 2010 г. первый заявитель был помещен в Республиканскую клиническую психиатрическую больницу. После попытки побега он был помещен в палату, которая не соответствовала санитарным требованиям.

4 июня 2010 г. районный суд в отсутствие законного опекуна заявителя Т.Ю. Коровиной и его адвоката удовлетворил запрос Республиканской клинической психиатрической больницы о перемещении И.В. Коровина в психиатрическую больницу специализированного типа.

16 июня 2010 г. первый заявитель был помещен в Казанскую психиатрическую больницу специализированного типа, в которой 30 июля 2010 г. в связи с ненадлежащим поведением он был изолирован и привязан к кровати на 24 часа.

30 июля 2010 г. Верховный Суд Республики Татарстан отменил решение от 4 июня 2010 г. в кассационном порядке, так как слушание дела проходило в отсутствие первого заявителя.

13 декабря 2010 г. первый заявитель был перемещен в Республиканскую клиническую психиатрическую больницу.

9 июля 2011 г. И.В. Коровин был снова переведен в Казанскую психиатрическую больницу специализированного типа.

Верховный Суд Республики Татарстан неоднократно отменял в кассационном порядке решения районного суда о продлении применения принудительных мер медицинского характера к заявителю и его помещении в психиатрическую больницу под интенсивное наблюдение. Также Верховный Суд Республики Татарстан отказал в удовлетворении требований заявителей

о компенсации морального вреда в связи с чрезмерно длительным содержанием И.В. Коровина в психиатрической больнице специализированного типа, а также жестоким обращением с ним.

Позиция Европейского Суда. Власти России признали, что размеры палат, в которых первый заявитель проходил стационарное лечение, не соответствовали законным нормам, что количество спальных мест в каждой палате значительно превышало государственную норму, а также что привязывание первого заявителя к его кровати на 24 часа как психиатрическая мера являлась чрезмерной и не соответствовала его поведению (п. 54, 55 и 65 Постановления). Европейский Суд пришел к выводу, что имело место нарушение ст. 3 Конвенции (п. 68 Постановления).

Кроме того, власти признали нарушения национальных судов при рассмотрении жалобы заявителей в отношении условий содержания И.В. Коровина в психиатрическом стационаре и на цензуру их корреспонденции со стороны администрации больницы (п. 71 Постановления). Европейский Суд также установил нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции (п. 73 Постановления).

Европейский Суд также признал нарушение ст. 8 Конвенции в связи с тем, что российские власти подтвердили факт цензуры со стороны психиатрической больницы переписки заявителей.

(Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 марта 2015 г.).

В постановлении от 6 марта 2014 г. по делу «Горбуля против России» (*Gorbulya v. Russia*) (жалоба № 31535/09) Европейский Суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя на предполагаемое нарушение ст. 3 Конвенции в связи с якобы имевшим место непредоставлением В.В. Горбуле медицинской помощи во время содержания его в следственном изоляторе и в исправительном учреждении.

Вместе с тем установлено нарушение ст. 3 Конвенции в связи с необеспечением заявителю надлежащих условий содержания в названных учреждениях, а также ст. 13 Конвенции ввиду отсутствия у В.В. Горбули возможности правовой защиты от соответствующих нарушений.

Обстоятельства дела. В 2006 г. заявитель был признан виновным в причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшему по неосторожности смерть потерпевшего, и приговорен к 10 годам лишения свободы. В 2008 г. на основании решения суда присяжных он был признан виновным в нескольких разбойных нападениях и убийстве и приговорен к пожизненному заключению.

Позиция Европейского Суда. Европейский Суд отметил, что для наибольшей эффективности превентивные и компенсаторные средства правовой защиты должны быть взаимодополняющими (п. 54 Постановления).

Европейский Суд установил важность проверки надзирающим прокурором в обеспечении соответствующих условий содержания под стражей. Однако представления или постановления прокурора регулируют отношения между надзирающим органом и органом, подпадающим под надзор, и не предназначены для принятия превентивных мер или возмещения ущерба (п. 55 Постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что гражданский иск о компенсации в соответствии с положениями Гражданского кодекса РФ не направлен на получение иного возмещения, кроме компенсации, и не способен положить конец ситуации длящегося нарушения, такого как отсутствие личного пространства, или отсутствие определенного размещения в соответствующем исправительном учреждении, или ненадлежащая медицинская помощь. Данное средство правовой защиты не гарантирует перспектив успеха, поскольку решение зависит от установления вины властей, что имеет низкую степень вероятности в ситуации, когда внутригосударственные правовые нормы предусматривают применение определенной меры, к примеру, определенных условий содержания под стражей или одиночного заключения (п. 56 Постановления).

По мнению Европейского Суда, в делах, в которых российские суды удовлетворили требования о взыскании компенсации за условия содержания под стражей, уровень компенсации был необоснованно занижен в сравнении с компенсациями, присужденными Судом в аналогичных делах (п. 56 Постановления).

Таким образом, Европейский Суд пришел к выводу, что в данном деле властями не предложено эффективных средств правовой защиты, которые могли предотвратить предполагаемые нарушения с предоставлением заявителю надлежащего и достаточного возмещения (п. 57 Постановления).

(Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2014), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 декабря 2014 г.)

В постановлении от 18 июля 2013 г. по делу «Насакин против России» (*Nasakin v. Russia*) (жалоба № 22735/05) Европейский Суд установил нарушения ст. 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с заявителем во время содержания в отделении милиции и непроведением властями эффективного расследования по данному факту, п. 1 ст. 5 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей в определенный период, а также п. 1 ст. 6 Конвенции ввиду того, что обвинительный приговор в отношении Насакина основан на признательных показаниях, данных им под принуждением.

Позиция Европейского Суда. 19 июля 2007 г. президиум краевого суда отменил приговор в отношении заявителя и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, однако при этом не был рассмотрен вопрос о содержании заявителя под стражей или об освобождении его до суда, в результате чего нахождение заявителя под стражей в отсутствие какого-либо постановления о заключении под стражу до 6 ноября 2007 г. было незаконным.

Суд также признал нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей на основании постановлений судов от 6 и 14 ноября 2007 г., отметив, что суд не указал ни причину, ни срок такого содержания.

В отношении нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции Суд отметил, что использование признательных показаний, полученных в результате пыток, в качестве доказательств при установлении соответствующих фактов в уголовном судопроизводстве делает разбирательство в целом несправедливым вне зависимости от доказательственной ценности показаний и независимо от того, имело ли их использование решающее значение при вынесении обвинительного приговора.

В данном деле Суд пришел к выводу, что заявитель был подвергнут жестокому обращению во время допроса, в результате чего он дал признательные показания о своей причастности к совершению преступления.

Суд первой инстанции не признал показания неприемлемыми и ссылаясь на них при признании заявителя виновным и при назначении ему наказания.

Европейский Суд пришел к выводу, что вне зависимости от того, какую роль сыграли показания заявителя, полученные под давлением, в исходе разбирательства по уголовному делу в его отношении, такие доказательства сделали разбирательство в целом несправедливым и, следовательно, имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции.

В постановлении от 30 мая 2013 г. по делу «Давитидзе против России» (*Davididze v. Russia*) (жалоба № 8810/05) Европейский Суд констатировал нарушение ст. 3 Конвенции – в связи с чрезмерным применением силы в отношении заявителя в ходе его задержания сотрудниками ОВД и необеспечением проведения эффективного расследования данного факта, при этом доводы Давитидзе о том, что его спровоцировали на совершение преступления, признаны Судом необоснованными.

Обстоятельства дела. Заявитель признан судом виновным в покушении на сбыт наркотических средств.

Позиция Европейского Суда в отношении довода заявителя о совершении им преступления в результате провокации со стороны сотрудников полиции. В случае, если основное доказательство получено в результате проведения тайной операции, у властей должны быть достаточные доказательства, что имеются веские основания для организации тайной операции и ее нацеливания на конкретное лицо, свидетельствующие о том, что заявителем были предприняты первые шаги к совершению деяний, являющихся преступлением, за которое он был впоследствии привлечен к ответственности.

В ходе судебного разбирательства Т. свидетельствовал о том, что заявитель имел при себе наркотики для продажи. При этом отсутствуют доказательства того, что заявитель был подвергнут какому-либо давлению для того, чтобы заставить его совершить преступление.

Европейский Суд также отметил, что проведение проверочной закупки было санкционировано в результате добровольного предоставления информации частным источником – С., который сообщил об осуществлении преступной деятельности лицом, которым (с учетом его имени и национальности) мог быть заявитель и впоследствии сыграл роль покупателя при проведении проверочной закупки. Довод заявителя о том, что С. работал в полиции осведомителем и что до этого он принимал участие в других проверочных закупках, был отклонен внутренними судами, поскольку из представленных доказательств не следует, что С. принимал участие в не связанных друг с другом проверочных закупках, проводившихся сотрудниками полиции, и осуществлял долгосрочное сотрудничество со следственными органами.

Европейский Суд пришел к выводу, что доказательства факта провокации со стороны сотрудников полиции отсутствуют.

(Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 4 квартал 2013 года, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 июня 2014 г.)

В постановлении от 5 февраля 2013 г. по делу «Бубнов против России»^{*} (Bubnov v. Russia) (жалоба № 76317/11) Европейский Суд установил, что отсутствует нарушение ст. 3 Конвенции в связи с качеством медицинской помощи, предоставленной заявителю в местах лишения свободы, а также отклонил жалобу о нарушении конвенционных прав заявителя в связи с отказом в его досрочном освобождении по состоянию здоровья.

Обстоятельства дела. В марте 2006 г. Центр по борьбе со СПИДом диагностировал у заявителя ВИЧ-инфекцию, хронический вирусный гепатит С, наркотическую зависимость от опиатов.

28 ноября 2006 г. районный суд признал заявителя виновным в убийстве, покушении на убийство и приговорил его к 13 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Заявитель периодически проходил медицинский курс лечения от имеющихся у него заболеваний.

24 июня 2011 г. группа медицинских экспертов тюремной больницы подготовила заключение, в котором рекомендовала освободить заявителя от отбывания наказания по состоянию здоровья, в связи с чем начальник исправительной колонии обратился в районный суд с соответствующим ходатайством.

Районный суд отказал в удовлетворении ходатайства, отметив следующее: «...заявитель совершил особо тяжкое уголовное преступление, отбыл менее половины срока наказания. О заявителе негативно отзываются сотрудники колонии, он нарушал тюремные правила несколько раз, получив тридцать четыре взыскания, которые еще не погашены. 15 июля 2009 года он был признан «злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания», состоит на учете как лицо, склонное к провокационному поведению.

...особенности его поведения в настоящее время не исключают возможности совершения им иных уголовно наказуемых деяний...

...заявитель проходит стационарное лечение в больнице исправительной колонии № 8.

...в случае освобождения заявитель не сможет получать необходимую помощь. Кроме того, возможность быть принятым в инфекционную больницу зависит от наличия мест, в тюремной больнице заявитель может получать лечение, аналогичное тому, которое он мог бы получить в инфекционной больнице».

Позиция Европейского Суда в отношении жалобы заявителя на ненадлежащую медицинскую помощь в местах лишения свободы: «...национальные власти предоставляли заявителю всеобъемлющую, эффективную и прозрачную медицинскую помощь на протяжении всего периода его содержания под стражей. Соответственно, нарушение статьи 3 Конвенции не имело места».

Позиция Европейского Суда в отношении отказа национальных судов в освобождении заявителя от отбывания наказания по состоянию здоровья. «Статья 3 не дает задержанному право быть освобожденным «по уважительным причинам», особенно в случае, когда власти принимают надлежащие меры по обеспечению, в том числе путем предоставления необходимой медицинской помощи, его здоровья и благополучия.

...суды Российской Федерации, которые в целом лучше оценили представленные им доказательства, уделили должное внимание и взвесили различные факторы, влияющие на право заявителя на досрочное освобождение, такие, как характер правонарушения, время отбывания наказания, подлинное раскаяние, его поведение во время отбывания наказания и необходимость дальнейшего содержания под стражей во избежание возмездия и устрашения. Они также оценивали состояние здоровья заявителя, качество медицинских услуг, которые он получал в заключении, и перспективы получения необходимой медицинской помощи в случае его освобождения. Рассмотрев все эти соображения относительно прогресса, реабилитации, раскаяния и так далее, суд Российской Федерации сделал вывод о том, что освобождение заявителя является нежелательным».

Исходя из изложенного Европейский Суд признал жалобу необоснованной.

(Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 3 квартал 2013 года, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5 февраля 2014 г.)

В постановлении от 15 января 2012 г. по делу «Величко против России»^{*} (*Velichko v. Russia*) (жалоба № 19664/07) Европейский Суд признал нарушения ст. 3 Конвенции в связи с ненадлежащими условиями содержания заявителя под стражей в изоляторе временного содержания, п. 1 ст. 5 Конвенции в связи с отменой в порядке надзора кассационного определения, на основании которого заявителю изменена мера пресечения с заключения под стражу на залог, п. 3 ст. 5 Конвенции в связи с длительным необоснованным содержанием заявителя под стражей. Суд не установил нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции относительно длительности производства по уголовному делу.

Обстоятельства дела. 14 января 2005 г. суд избрал в отношении заявителя меру пресечения в виде заключения под стражу. Срок содержания под стражей неоднократно продлевался судом.

25 апреля 2006 г. областной суд в кассационном порядке изменил последнее постановление суда о продлении срока содержания заявителя под стражей от 5 апреля 2006 г., заменив ему меру пресечения в виде заключения под стражу залогом.

27 апреля 2006 г. заявитель освобожден из-под стражи.

15 июня 2006 г. президиум областного суда, рассмотрев ходатайство стороны обвинения о пересмотре в порядке надзора кассационного определения областного суда от 25 апреля 2006 г., отменил его и передал дело на новое рассмотрение, избрав в отношении заявителя в качестве меры пресечения заключение под стражу «до рассмотрения дела судом кассационной инстанции». При этом президиум отметил, что кассационное определение противоречило

предыдущим постановлениям суда о продлении срока содержания заявителя под стражей, а «сумма назначенного заявителю залога являлась несущественной».

20 июня 2006 г. заявитель вновь заключен под стражу.

27 июня 2006 г. областной суд в кассационном порядке оставил постановление суда от 5 апреля 2006 г. о продлении срока содержания под стражей без изменения. В дальнейшем срок содержания заявителя под стражей неоднократно продлевался судом.

27 октября 2008 г. заявитель признан виновным в инкриминируемых ему деяниях.

Позиция Европейского Суда в отношении процедуры пересмотра в порядке надзора кассационного определения областного суда от 25 апреля 2006 г. и законности содержания заявителя под стражей с 20 июня по 27 июня 2006 г. «Пересмотр в порядке надзора освобождения под залог являлся возможностью, доступной для стороны обвинения в соответствии с национальным законодательством». Однако применительно к обстоятельствам настоящего дела «недостаточным для оправдания отмены вступившего в силу решения об освобождении заявителя, которое уже было исполнено».

«Сторона обвинения представила идентичные основания, когда выступала за продление срока содержания под стражей заявителя как перед судом первой инстанции, так и перед судом кассационной инстанции соответственно 5 и 25 апреля. Эти доводы были рассмотрены и отклонены областным судом кассационной инстанции, и его определение вступило в силу. Однако, ходатайствуя о пересмотре в порядке надзора определения об освобождении заявителя под залог, сторона обвинения старалась опираться на другие факты помимо тех, на которые она ссылалась в суде первой инстанции и в суде кассационной инстанции. Суд отмечает тот факт, что власти не представили никакого объяснения тому, почему сторона обвинения, имея полную информацию о том, что у заявителя имелся иностранный паспорт, предпочла не поднимать данный вопрос перед судами первой и кассационной инстанций и ей пришлось прибегнуть к процедуре пересмотра в порядке надзора для исправления подобного упущения с ее стороны».

Суд также отметил, что «в соответствии с национальным законодательством, поскольку заявитель был освобожден под залог, сторона обвинения потеряла право ходатайствовать вновь о его помещении под стражу, если только не открылись новые обстоятельства».

С учетом изложенного Суд пришел к выводу, что «отмена в порядке надзора кассационного определения от 25 апреля 2006 г., установившего для заявителя меру пресечения в виде денежного залога, нарушила принцип правовой определенности и сделала последующее содержание заявителя под стражей незаконным в значении пункта 1 статьи 5 Конвенции».

Суд признал также нарушение п. 3 ст. 5 Конвенции в связи с длительным необоснованным содержанием заявителя под стражей (в течение двух лет и четырех месяцев) после того, как он уже провел более 15 месяцев под стражей до своего освобождения под залог. При этом Европейский Суд отметил, что «факт наличия у заявителя двойного гражданства мог являться существенным фактором при оценке риска его бегства. Тем не менее опасность того, что обвиняемый скроется, не вытекает исключительно из того, что для него возможно или легко пересечь границы: должен быть ряд обстоятельств, таких, как, в частности, отсутствие долговременных установившихся связей в стране, дающих основания предполагать, что последствия и риски побега будут казаться для него или для нее меньшим злом, чем продолжающееся тюремное заключение. Суд также принимает во внимание то, что национальные власти не объяснили, почему конфискация как российского, так и белорусского паспортов заявителя не могла быть достаточной для предотвращения его побега за границу».

Нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с длительностью производства по уголовному делу в отношении заявителя Европейский Суд не установил, отметив следующее: «...производство было сложным по причине количества подсудимых, многочисленных преступлений, в

совершении которых обвинялись подсудимые, и в связи с задачей властей по сбору и рассмотрению значительного количества доказательств.

...органы власти продемонстрировали достаточную степень усердия при ведении производства по делу... Заседания суда первой инстанции проводились регулярно, а отсрочки на продолжительности производства по делу в целом существенно не сказались».

(Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 3 квартал 2013 года, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5 февраля 2014 г.)

В постановлении от 3 июля 2012 г. по делу «Развязкин против России»^{*} (*Razvyazkin v. Russia*) (жалоба № 13579/09) Европейский Суд констатировал нарушение ст. 3 Конвенции в связи с неоднократным переводом заявителя для одиночного содержания в помещение камерного типа исправительной колонии; не установил нарушения ст. 13 в совокупности со ст. 3 Конвенции в части отсутствия эффективного национального средства правовой защиты в отношении жалобы заявителя на одиночное содержание в помещении камерного типа и ст. 6 Конвенции в связи с отсутствием справедливого судебного разбирательства по гражданскому делу с его участием.

Обстоятельства дела. По приговору суда от 6 апреля 2001 г. Развязкин приговорен к 13 годам лишения свободы.

В период отбывания наказания за нарушения правил колонии заявитель неоднократно помещался в штрафные изоляторы и помещения камерного типа для одиночного содержания.

28 мая 2008 г. заявитель оспорил в суде законность его перевода в помещение камерного типа 14 марта 2008 г. При этом просил рассмотреть дело в присутствии его представителя.

30 июня 2008 г., в день проведения заседания по месту отбывания заявителем наказания, его представитель, а также эксперт из фонда «В защиту прав заключенных» прибыли в колонию для участия в судебном заседании. Однако начальник колонии не пропустил их в здание, так как у представителя заявителя были с собой диктофон, мобильный телефон, камера и ноутбук, которые он отказался оставить на входе, а эксперт не представил документов, устанавливающих его статус.

Слушание дела началось без указанных лиц. Развязкин отказался принимать участие в заседании суда без его представителя и покинул зал. Суд продолжил заседание без заявителя.

Решением суда от 30 июня 2008 г., оставленным без изменения областным судом, Развязкину отказано в удовлетворении жалобы.

Позиция Европейского Суда в отношении нарушения ст. 3 Конвенции. «Для того чтобы избежать любого риска произвола, должны быть представлены существенные основания в случае продления длительного периода одиночного заключения. Таким образом, решение должно позволять установить, что власти провели повторную оценку, которая принимает во внимание любые изменения в обстоятельствах, ситуации или поведении осужденного. Изложение оснований должно быть максимально подробным и обязывающим по прошествии времени. Кроме того, такие меры, которые являются одной из форм «заключения в тюрьме», следует применять только в исключительных случаях и после того, как все меры предосторожности были приняты. Система регулярного мониторинга физического и психического состояния осужденного должна быть создана для того, чтобы обеспечить его совместимость с продолжающимся одиночным заключением...»

Применительно к обстоятельствам данного дела Европейский Суд отметил, что «заявитель регулярно помещали в ПКТ в отсутствие каких-либо достаточных на то оснований, объективной оценки того, достигало ли своих целей повторяющееся применение рассматриваемой меры, без учета физического и психического состояния заявителя и действия длительного заключения в одиночной камере на его психическое, физическое и социальное здоровье», в связи с чем констатировал нарушение ст. 3 Конвенции.

Позиция Европейского Суда в отношении ст. 13 Конвенции. «Европейский Суд ранее установил нарушение ст. 13 Конвенции в связи с отсутствием эффективных и доступных средств правовой защиты согласно российскому законодательству для обжалования условий содержания под стражей...»

Однако в данном деле Европейский Суд пришел к выводу, что заявитель обжаловал в суд длительное содержание его в помещении камерного типа. «Более того, он поднимал вопрос об условиях его содержания в ПКТ перед прокурором... В каждом случае национальные органы власти рассматривали существо жалоб заявителя и обосновывали свои решения. Действительно, исход рассматриваемых разбирательств был не в пользу заявителя, так как его требования отклонялись. Однако этот факт не может сам по себе считаться демонстрирующим несоответствие рассматриваемого средства правовой защиты требованиям ст. 13 Конвенции».

Позиция Европейского Суда в отношении ст. 6 Конвенции. Заявитель жаловался на то, что слушание дела 30 июня 2008 г. не было публичным и справедливым, поскольку проводилось на территории исправительной колонии, т.е. закрытого учреждения с ограниченным доступом, общественность не могла присутствовать на заседании без разрешения начальника исправительной колонии. «Более того, в соответствии с правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений на слушании не позволено было присутствовать желающим, если те проносят на него средства связи, записывающие устройства или устройства для хранения данных».

Европейский Суд напомнил, что «проведение судебного заседания публично представляет собой основополагающий принцип, закрепленный в п. 1 ст. 6 Конвенции. Такой публичный характер разбирательства защищает стороны от отправления правосудия тайно без общественного контроля... Пункт 1 ст. 6 не запрещает тем не менее отступать судам от этого принципа в свете особого характера рассматриваемого ими дела... пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних, или для защиты частной жизни сторон, или в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия; проведение заседания полностью или частично при закрытых дверях должно быть строго необходимо в связи с обстоятельствами дела...»

Что касается состязательности процесса и равноправия сторон, Европейский Суд отметил, что «ст. 6 Конвенции явным образом не предусматривает права на присутствие при проведении слушания; более широкое понятие справедливого судебного разбирательства, напротив, подразумевает, что судебный процесс по уголовному делу должен проходить в присутствии обвиняемого... Тем не менее по неуголовным вопросам не представлено абсолютного права, которое гарантирует присутствие лица в суде, за исключением ограниченной категории дел, например, таких, где личные качества или образ жизни рассматриваемого лица имеют непосредственное отношение к существу дела либо в случае, если решение касается вопросов поведения такого лица...»

Применительно к делу Развязкина Европейский Суд отметил, что «национальный суд все-таки рассмотрел дополнительную возможность для обеспечения личного участия заявителя в слушании дела по гражданскому иску и провел выездное заседание в колонии, в которой заявитель отбывал наказание».

Суд принял к сведению, что «у всех желающих принять участие в слушаниях по делу заявителя имелась возможность присутствовать на выездном заседании при условии соблюдения определенных правил, связанных с особым статусом заявителя как осужденного, отбывающего наказание в исправительном учреждении, и что, следовательно, слушание не было лишено публичности... Широкую общественность и средства массовой информации могут не

оповестить о слушании, которое скорее всего пройдет в помещении, не позволяющем разместить возможных зрителей, которым в любом случае придется пройти строгие проверки для установления личности и соблюдения мер безопасности и подчиниться другим требованиям для доступа в колонию... неблагоприятное влияние, оказанное на публичный характер слушания практикой его проведения на территории исправительной колонии, уравновешивалось предоставлением заявителю соответствующей возможности выступать в суде в защиту своих требований по гражданскому иску посредством прежде всего личного участия, которое в противном случае было бы невозможно».

В отношении принципов состязательности процесса и равноправия сторон Европейский Суд отметил, что «адвокат заявителя должен нести ответственность за несоблюдение правил внутреннего распорядка колонии и за то, что вынудил заявителя представлять свои интересы самостоятельно».

Европейский Суд посчитал, что «проведя выездное заседание на территории исправительной колонии, в которой заявитель отбывал наказание, национальный суд предоставил ему уникальную возможность для участия в слушании на равных с другой стороной. Узнав, однако, что его адвокат на слушание допущен не был, заявитель явно и недвусмысленно отказался от своего права участвовать в слушании. Европейский Суд повторяет в связи с этим, что ни буква, ни дух ст. 6 Конвенции не препятствуют лицу в отказе по своей собственной воле, в явной и неявной форме, от права на гарантии справедливого разбирательства...»

(Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 4 квартал 2012 года, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 апреля 2013 г.)

В постановлении от 3 мая 2012 г. по делу «Салихов против России» (*Salikhov v. Russia*) (жалоба № 23880/05) Европейский Суд установил нарушение ст. 3 Конвенции в связи с жестоким обращением со стороны сотрудников милиции и неэффективным расследованием данных обстоятельств, ненадлежащими условиями содержания в отделении милиции, а также нарушение п. 1 и подп. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции в связи с несправедливостью уголовного процесса по делу Салихова ввиду непринятия судом достаточных мер по вызову в суд свидетельницы, показания которой, полученные в ходе предварительного следствия, были положены в основу обвинительного приговора.

Обстоятельства дела. Заявитель был задержан по подозрению в изнасиловании и помещен в камеру для допросов в отделении милиции. В ходе решения вопроса о заключении под стражу заявитель рассказал судье о получении травм в отделении милиции. Несмотря на это, суд не принял доводы заявителя, и он был возвращен под стражу. Заявитель подал жалобу прокурору района относительно жестокого обращения с ним со стороны сотрудников милиции, который отказал в возбуждении уголовного дела. Заявитель обжаловал постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в суд, который отклонил его жалобу.

Кроме того, заявитель подал жалобу прокурору относительно попытки насильственным путем взять образец его крови. В связи с отсутствием ответов на жалобу он подал ее в суд, который отказал в ее удовлетворении.

Во время рассмотрения судом вопроса о продлении срока содержания под стражей заявитель обратил внимание судьи на свой плачевный вид и подал дополнительную жалобу относительно условий, при которых его доставили в зал суда. Областной суд отклонил его жалобу на постановление о продлении срока содержания под стражей, но не рассмотрел остальные жалобы.

Районный суд признал заявителя виновным в изнасиловании по предварительному сговору, сопряженном с угрозой убийством.

Позиция Европейского Суда. Европейский Суд пришел к выводу, что принудительное медицинское вмешательство и избиения, которые его сопровождали, выходят за рамки минимального уровня жестокости, соответствующего ст. 3 Конвенции. Следовательно, заявитель

был подвергнут бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение этого положения.

Кроме того, Европейский Суд отметил, что власти не провели эффективного уголовного расследования по жалобам заявителя о ненадлежащем обращении, несмотря на то, что были обязаны инициировать соответствующее расследование событий. А судья и прокурор не приняли никаких мер для инициирования официального расследования событий в ситуации, когда человек, который находится под эффективным контролем властей, демонстрирует видимые телесные повреждения.

С учетом изложенного Европейский Суд пришел к выводу, что власти не обеспечили проведение эффективного и независимого расследования неправомерного обращения с заявителем, вследствие чего имело место нарушение ст. 3.

В отношении нарушения требований ст. 6 Конвенции Европейский Суд отметил следующее.

Заявитель жаловался на то, в открытом судебном заседании ему не предоставили возможность задать вопросы потерпевшей К. и свидетелям В. и А., поскольку заявитель не отрицал полового акта с потерпевшей, однако утверждал, что это произошло по обоюдному согласию. Вещественные доказательства подтвердили, что половой акт имел место, но сведения о его насильственном характере и разногласиях между обвиняемыми могли содержаться лишь в показаниях К. В приговоре районного суда указано, что власти не сделали ни одной реальной попытки найти потерпевшую и обеспечить ее присутствие на судебном заседании.

Суд также отметил, что для неявки свидетеля должна быть веская причина в случае, если обвинение основывается только или главным образом на показаниях человека, которого заявитель не мог или не смог допросить, вследствие чего его права защиты ограничены в той степени, которая несовместима с гарантиями, предусмотренными ст. 6 Конвенции.

(Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 3 квартал 2012 года, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 декабря 2012 г. (с изм. и доп.))

В постановлении от 24 апреля 2012 г. по делу «Соловьевы против России» (*Solovyevy v. Russia*) (жалоба № 918/02) Европейский Суд признал нарушение ст. 3 Конвенции в связи с ненадлежащими условиями содержания второго заявителя под стражей, п. 4 ст. 5 Конвенции в связи с отсутствием у первого заявителя юридической помощи во время первого заседания при решении вопроса о заключении под стражу и необеспечением национальным судом личного его присутствия в судебном заседании кассационной инстанции по вопросу избрания ему меры пресечения в виде заключения под стражу, п. 1 ст. 6 Конвенции в отношении первого заявителя в связи с чрезмерной длительностью судебного разбирательства по уголовному делу.

Обстоятельства дела. В мае 1993 г. тела трех человек были найдены на одной из улиц города.

В 1998 г. первому заявителю предъявлено обвинение в незаконном лишении свободы, второму заявителю – в убийстве, совершенном при превышении пределов необходимой обороны, повлекшем тяжкие телесные повреждения, и незаконном ограничении свободы.

17 октября 2000 г. на основании определения суда заявители заключены под стражу.

1 марта и 17 апреля 2001 г. суд продлил срок содержания заявителей под стражей.

7 июня 2001 г. первый заявитель был освобожден под подписку о невыезде, а второму заявителю суд продлил срок содержания под стражей.

Дальнейшее продление срока содержания под стражей второму заявителю было осуществлено судом 27 мая, 1 июля, 1 октября 2002 г. (постановление суда от 1 октября 2002 г. было отменено областным судом), 20 ноября, 25 декабря 2002 г. и 26 марта 2003 г.

26 июня 2003 г. суд прекратил уголовное дело в отношении первого заявителя вследствие истечения срока давности, а также в отношении второго заявителя по обвинениям в убийстве,

совершенном при превышении пределов необходимой обороны, «потому что истек предусмотренный законодательством срок давности, и продлил срок его содержания под стражей до 1 октября 2003 г.».

«10 июля 2003 г. суд прекратил производство по уголовному делу против второго заявителя в отношении обвинений в незаконном лишении свободы, потому что такое поведение не могло быть квалифицировано как уголовное преступление.

В тот же день районный суд признал второго заявителя виновным в причинении телесных повреждений и приговорил его к лишению свободы сроком на один год. Он был освобожден под подписку о невыезде», которая 3 марта 2004 г. отменена областным судом.

Позиция Европейского Суда в отношении нарушения п. 4 ст. 5 Конвенции. «Возможность присутствия на заседаниях заключенного лично либо посредством представителя является одной из основополагающих процессуальных гарантий, действующих в отношении вопросов лишения свободы... когда содержание под стражей подпадает в сферу действия подп. «с» п. 1 ст. 5 Конвенции, общепринятым правилом является то, что заключенный имеет право лично принимать участие в заседаниях по вопросу избрания ему меры пресечения в виде заключения под стражу...»

Применительно к обстоятельствам данного дела Европейский Суд отметил, «что адвокат первого заявителя Ч. отсутствовал на судебном заседании 17 октября 2000 г., на котором прокурор ходатайствовал об избрании ему меры пресечения в виде заключения под стражу на время судебного разбирательства, однако первый заявитель на заседании присутствовал. Последующее заседание 9 ноября 2000 г. проходило в отсутствие первого заявителя, но там присутствовал его адвокат Ч., прокурор и потерпевший...»

Таким образом, Европейский Суд пришел к выводу, что «у первого заявителя не было возможности пользоваться юридической помощью ни одного из своих адвокатов – Р. и Ч. – до того, как эти вопросы стали предметом дискуссии перед судом в том заседании, что конечно же поставило его в уязвимое положение перед стороной обвинения в данном судебном разбирательстве».

Европейский Суд подчеркнул, «что рассматриваемое дело относилось к разбирательствам о решении вопроса о заключении под стражу... Такие разбирательства требуют особой оперативности, и судья вправе принять решение и не ждать, когда обвиняемый реализует свое право на получение юридической помощи... В данных обстоятельствах имеет значение не то, присутствовал ли адвокат первого заявителя на первоначальном судебном разбирательстве, где рассматривался вопрос о его заключении под стражу, а что более важно, имел ли возможность первый заявитель должным образом представить свои возражения на последующем разбирательстве по пересмотру вынесенного решения». Первый заявитель не присутствовал на кассационном разбирательстве, его интересы представлял адвокат Ч. «Учитывая указанную уязвимость первого заявителя на первоначальном судебном разбирательстве и отсутствие объяснения причины, по которой он лично не был доставлен на заседание, с учетом того, что суд кассационной инстанции выносил определения по фактическим и правовым вопросам, таким, как оценка его личности и поведения во время следствия и суда, что требовало личного присутствия первого заявителя, Суд заключает, что присутствие адвоката не было достаточным само по себе для гарантии соответствия производства принципам состязательности и равенства сторон».

(Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 3 квартал 2012 года, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 декабря 2012 г. (с изм. и доп.))

В постановлении от 10 января 2012 г. по делу «Ананьев и другие против России» (*Ananyev and Others v. Russia*) (жалобы № 42525/07, 60800/08) Европейский Суд признал нарушение российскими властями ст. 3 и 13 Конвенции, а также констатировал наличие в Российской Федерации структурной проблемы бесчеловечных и унижающих достоинство

условий содержания в следственных изоляторах, а также отсутствие эффективных национальных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

Обстоятельства дела. Заявитель Ананьев содержался в следственном изоляторе с 20 января по 23 марта 2007 г. в камере площадью 15 кв. м на 13 спальных мест. Количество лиц, содержащихся в камере, достигало 21 человека. Европейский Суд установил, что Ананьев имел менее 1,25 кв. м личного пространства и что количество лиц, содержащихся в камере, превышало количество доступных спальных мест.

Баширов содержался в следственном изоляторе с 3 мая 2005 г. по 21 мая 2008 г. в пяти разных камерах. Камеры имели площадь от 23 до 25 кв. м, оборудованы спальными местами на 10–12 человек. Европейский Суд принял во внимание доводы Баширова о фактическом количестве лиц, содержащихся одновременно с ним в камерах, существенно превышающем количество спальных мест, и пришел к выводу, что Баширову предоставлялось менее 2 кв. м личного пространства.

Позиция Европейского Суда. «Установлено, что заявителям Ананьеву и Баширову предоставлялось менее трех квадратных метров личного пространства. Они оставались в камере все время, за исключением одного часа, в течение которого они совершали прогулку на свежем воздухе, и были вынуждены принимать пищу и справлять естественные нужды в условиях тесноты. Что касается Баширова, то следует отметить, что в таких условиях он провел более трех лет. Таким образом, Суд считает, что заявители Ананьев и Баширов подверглись бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 3 Конвенции».

Относительно жалобы заявителей на нарушения ст. 13 Конвенции Европейский Суд, проанализировав существующие в Российской Федерации внутригосударственные средства правовой защиты, как то возможность подачи жалобы: администрации места содержания под стражей (ст. 17 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»); прокурору (ст. 17, 51 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», гл. 4 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации»); Уполномоченному по правам человека (Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»); в суд (положения гл. 25 ГПК РФ), пришел к выводу о том, что «в настоящее время существующая российская правовая система не располагает эффективным средством правовой защиты, которое могло бы использоваться для устранения или предотвращения указанного нарушения, а также предоставить заявителю разумную и достаточную компенсацию в связи с жалобой на неудовлетворительные условия содержания под стражей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.